

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ

Г.С. БАТЫГИН

РЕМЕСЛО ПАУЛЯ ЛАЗАРСФЕЛЬДА: ВВЕДЕНИЕ В НАУЧНУЮ БИОГРАФИЮ

Есть только одна-единственная тысячекратно подвижная, изменчивая поверхность. В эту мысль можно когда-нибудь вместить и весь мир, и он упростится и задачу дастся в руки тому, кто так мыслит. Ибо нечто становится жизнью в зависимости не от великих идей, а от того, создадут ли из них ремесло, повседневность, стойкую до конца.

Райнер Мария РИЛЬКЕ

Жизнеописание ученого принято начинать с перечисления его «вкладов» в научную дисциплину. Это прекрасно сделал Джеймс Колмен во введении к сборнику статей Лазарсфельда [1]. Он насчитал семь «вкладов», каждый из которых очень важен. Аналогичным способом явлены «персоналии» в энциклопедических изданиях, назначение которых — справка, чем более добротна исполненная, тем более отстраненная от сочувственного проникновения в смысл профессионального призвания ученого. Вероятно, самая трудная задача историка науки заключается в том, чтобы найти созвучный смысловой камертон и вместе с ним тональность разворачивания основной темы. Какие факты и события заинтересуют нас, а какие останутся без внимания? Научные регалии, формулы открытий, упоминания в учебниках, тома сочинений, перечисление правительственных наград и почетных званий, как в некрологе — последней мистификации, посланной как бы вдогонку ушедшему. Все это у него было, кроме, пожа-

Батыгин Геннадий Семенович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором социологии знания Института социологии РАН. Статья опубликована в 1990 г. (журнал «Вестник АН СССР». № 8. С. 94-108).

луй, правительственных наград — Америка не балует своих интеллектуалов орденами. Речь идет о том, какие вопросы должен задать историк Паулю Феликсу Лазарсфельду (1901-1976) — очевидцу и участнику становления социологии XX в. Правила жанра требуют причисления его к лицу классиков, но что-то мешает такой вынужденной канонизации — видимо, надо подождать, пока время дистанцирует его от современности. Во всяком случае, в автобиографии, которая будет служить нам точной лоцией жизнеописания, он отнес себя не к выдающимся личностям, а к «экспертам-очевидцам» социологии [1, р. 11].

Социология — эта туманная, неразгаданная дисциплина — успела создать констелляцию классических имен: Огюст Конт, Карл Маркс, Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм, Георг Зиммель, Макс Вебер, Толкотт Парсонс, Энтони Гидденс... Столь неполный перечень классиков отнюдь не произволен — их канонизированный облик величествен и важен, их труды перелагаются, в их жизнеописании уже почти нет возможности выйти за рамки выставленной на всеобщее обозрение картины. Лазарсфельду, можно сказать, повезло. В нашей «критике буржуазной социологии» его классовая сущность осталась практически не разоблаченной. Правда, в справочниках он обзывается «позитивистом», но единственно по той причине, что, в отличие от многих гуманитарно мыслящих личностей, обладал профессиональным мастерством в области анализа данных — аргумент, для обвинения довольно слабый. В нескольких мемориальных сборниках Лазарсфельда его имя и роль в истории социологии не вписаны в утвержденный учебниками сценарий — дай Бог, чтобы этого и дальше не случилось, — и остались именем и ролью именно Лазарсфельда, а не ролью некоей «концепции» (течения, направления, школы), которую, казалось бы, обречен играть ученый. Ведь за большинством классиков стоит «направление» — их доля на тематическом поле науки, и они — мыслители! — часто вынуждены, суется и нервничая, отстаивать неприкосновенность своей концепции от чужаков. После их смерти охрану берут на себя эпигоны — эти козлы в огороде. Дисциплинарные нормы науки сняты, граница зорко и напряженно стережется сообществом. Так вот: у Лазарсфельда блистательно отсутствовала концепция, при такой «безземельной» судьбе он казался неприкаянным и «разбросанным» (это авторитетное мнение одного из «концептуальных» мэтров довоенной социальной психологии Х. Кэнтрила). Но именно в нетерпимой для научного истеблишмента «разбросанности» — а вдруг ты залезешь на мой участок и помнешь заботливо выращиваемые гладиолусы?! — отсвечивает дорогой для историка момент истины. На каком-то очередном витке крушения вокруг «персоналии» ему может повезти, и он увидит мелькнувший в сутолоке событий факт, казалось бы, малозначимый, но близкий к эпицентру идеи-призвания. Книга работ Лазарсфельда,

составленная Патрицией Кендалл в 1982 г., своим наименованием «The Varied Sociology of Paul F. Lazarsfeld» попадает прямо в точку — именно варьирующая социология: там разворачивается таинство вариации случайных событий вокруг их невидимого центра; разбросанность здесь — разброс, вызывавший у старых статистиков почти мистическое поклонение; не зря же Я. Бернулли, П. Лаплас, А. Кетле с упорством, достойным лучшего применения, тысячи раз подбрасывали монетку — они, в отличие от наших трезво-расчетливых современников, еще не разучились удивляться чудесам и задавать миру вопросы. Лазарсфельд тоже был статистиком *par excellence* (Колумбийский университет даже присвоил ему, с дружески-ироничной подачи Роберта Мертона, почетное звание «профессора имени Кетле») и имел своеобразное отношение к топике — месту в тематическом пространстве науки. Нельзя сказать, что он не интересовался «темами», не очень верно и предположение, что он не был привязан к теме, и уж ни в коем случае не «летал» от одной темы к другой, как думал упомянутый выше Кэнтрил.

Попробуем перечислить «сюжеты», которыми он занимался. Пусть событийные секвенции скажут сами за себя и помогут обнаружить формулу научной биографии «летуна». (Разумеется, ни о какой полноте перечисления не может быть и речи.) Начинал он в Венском университете, как и многие, с проблем социалистического воспитания молодежи в лагерях, пытался сформировать «нового человека». Вообще, Лазарсфельд был одним из лидеров молодежного социалистического движения в Австрии. Благодаря железной хватке университетской наставницы Шарлотты Бюлер он стал отличать науку от идеологии, и здесь начинается уже вполне серьезный ряд: выбор профессии рабочей молодежью; причины безработицы в Мариентале — деревне близ Вены; влияние упаковки мыла на потребителей в разных социальных стратах ... (Прервем перечисление и заметим, что именно здесь, может быть, впервые вспыхнул свет лазарсфельдовского стиля социологической работы — исследовательская гипотеза, точная и изящная: яркая упаковка хорошо воздействует на людей с низким социальным статусом, которые, как правило, ригидны в своих установках и легко манипулируемы, доверяют видимостям; высокий же социальный статус почему-то ориентирует человека на сдержанные расцветки ... Это действительно вопрос!) Продолжим перечисление тем, указав попутно, что Ph. D.¹ Лазарсфельд получил в Венском университете по математике: влияние радиовещания на американское

¹ Ph. D. (Philosophy Doctor) — ученая степень доктора, присуждаемая и по гуманитарным, и по естественным наукам, — архаичный намек на независимость учености от специальности.

общество; чем мотивируют питтсбургские дамы выбор своего платья; какой бензин нравится водителям; как делает свой выбор избиратель перед тем, как проголосовать за Рузвельта или Уиллки; семья в условиях экономической депрессии; тиражи журналов; установки американских солдат в период Второй мировой войны (опять немислимый «мелкотемный» вопрос: кто из солдат легче переносит жару — южане или северяне?.. Оказывается, больше всех от жары страдает южанин); политические преследования американских обществоведов; анализ латентных структур и алгебра дихотомий; формирование понятий и шкалирование социальных переменных; дружба как социальный процесс; структура социального действия; технология использования социологических инноваций в социальной политике ... И параллельно с этими темами — роль «беспокойного администратора-ученого», создавшего Бюро прикладных социальных исследований в Колумбийском университете. Оно стало основой десятков аналогичных институций по всей Америке.

Прибыв в 1935 г. в Соединенные Штаты по иммиграционной визе без гроша в кармане, каторжно вкалывая где только можно, через 25 лет Лазарсфельд становится «полным генералом» от социологии — президентом Американской социологической ассоциации, в 1975 г. избирается в Национальную академию наук. Еще одна — социологическая — версия «Американской Мечты»? Вероятно, да, — здесь делает игру не просто сильный, но умеющий держать прямые удары. Если уж об этом зашла речь, надо сказать, что в своей фундаментальной работе по истории социологических исследований Джин Конверс имеет все основания назвать роль Лазарсфельда «аномальной» [2, р. 538]. Отношение Кэнтрила к Лазарсфельду нельзя считать очень теплым, но, возможно, есть какая-то истина в словах из его письма: «Люди не чувствуют себя в безопасности с Вами ...» [1, р. 356]. Когда мытарства венского иммигранта только начинались, всерьез обсуждался вопрос, похож ли он на еврея, — Америка в этом отношении не отличается оригинальностью [1, р. 37]. Действительно, с Лазарсфельдом трудно было чувствовать себя в безопасности, его административная энергия выражалась не только в жесткой регламентации рабочего темпа, но и в строгой субординированности должностных отношений: каждый выполняет свое дело и знает свое место, от лаборанта до директора. А кроме того, по его собственному признанию, он «рвякал» на сотрудников. «Аномальность» роли Лазарсфельда в социологическом истеблишменте Америки — вопрос особый. Ясно одно: относились к нему неоднозначно. Перед тем, как победить на выборах в президенты Американской социологической ассоциации в 1960 г. Торстена Селлина, он два года подряд проигрывал соответственно Говарду Беккеру и Роберту Фэрнсу. А по индексу цитирования в этот период не попал даже в первые 25 позиций — тогда были в мо-

де Ральф Линтон и Роберт Мертон [3, р. 746]; впрочем, и сегодня не совсем понятно, что означает индекс цитирования.

Коллега Лазарсфельда еще со времен Венского центра знаменитый методист-социолог Мари Яхода назвала свои воспоминания о шефе «ПФЛ: дикобраз или лисица?» [4, р. 3-9]. Исключительно интересная характеристика, особенно если учесть, что имеется в виду архилоховская метафора, использованная великим Исайей Берлином в очерке о Льве Толстом: «Лисица знает много разных вещей, дикобраз знает одну главную вещь» [5, р. 1]. К лисицам принадлежат люди, осуществляющие много целей, их удел — многообразие мира (имена Аристотеля, Гёте, Пушкина демонстрируют эту идею). Дикобразы же видят мир с одной универсальной точки зрения; И. Берлин относит к ним Платона, Гегеля, Достоевского, Ницше... Аллюзия, направленная на Лазарсфельда, приводит Мари Яходу к неожиданному выводу: он был лисицей, вынужденной всю жизнь прикидываться дикобразом [4, р. 3].

Проблема заключается в том, чтобы найти за, казалось бы, случайными событиями ключ-камертон к профессии ПФЛ (коль скоро М. Яхода заявила эту аббревиатуру, не грех воспользоваться ею), и, может быть, его звучание вызовет к жизни «даймон» Лазарсфельда — не все же время он рявкал на сотрудников.

Социология — это процедура анализа данных о людях или их организациях. ПФЛ был раб процедуры, примерно так же, как всеильный джинн является рабом кувшина. Что такое процедура — вопрос, требующий ухода в историю формирования европейской «сциенции» и научного «клира». Здесь достаточно сказать, что процедура выполняет в науке примерно ту же роль, что обряд в религии или уголовно-процессуальный кодекс в доказывании вины. Если не соблюдена процедура, вывод не может считаться легитимным, то есть научным. Для психолога и социолога человек — *ис-пытываемый*, и «кодекс» проведения эксперимента — критерии профессиональной легитимности «нормального» ученого до тех пор, пока новая научная революции не породит иную «нормальную» эпистему, сохраняющую тем не менее функцию отграничения научного вопроса от ненаучного. В социологии же вопрос «Зачем кружится ветр в овраге?..» может — в принципе — быть включен в ее тематическое пространство, правда, это будет социология особого рода. Впрочем, сегодня в социологии считается нормой плюрализм, где сколько социологов, столько и социологий — каждый легитимизирует себя как может.

Таким образом, все дело в том, какие вопросы социолог задает миру. В конце XIX в. Вильгельм Виндельбанд сравнил философию с королем Лиром, которого покинули его дочери — научные дисциплины. Одна из таких блудных дочерей — социология — пытается отвязаться от отца почти два столетия, но наследственность все равно

дает о себе знать. Почти все классики социологии, в том числе упомянутые выше, задавали и задают миру такие вопросы, ответы на которые они знают заранее. Самые откровенные из них вообще не задают вопросов, а пророчествуют, стремясь втолковать, как О. Конт, или вколлотить, как К. Маркс, научные представления о том, как надо жить. После серии социальных экспериментов с непредвиденными последствиями пророки стали осторожнее, но все-таки сохранили мощный импульс увлечь массы социологическими ответами на последние вопросы бытия.

Знаменитая лекция Вебера «Наука как профессия», прочитанная в 1918 г. в Мюнхенском университете [6], прояснила различие между ученым и пророком. Ученый знает метод научного рационализации, и цель его — знание. Пророк одержим идеей, и цель его — внести идею в массы и повести их за собой. Разумеется, пророчество в «расколдованном мире» невозможно без сект и партий. Пророчеству нельзя научиться, это своеобразный дар, точнее, дарование. Пророк яростен и волнителен, ученый зануден и методичен. Мощный порыв несовместим с общезначимым — внеличным — доказыванием. А наука — не более чем «органон», пусть даже «Новый органон», и работает с поставленными гипотезами, вновь и вновь опровергая установившееся знание: выдумываются новые вопросы, и в дело вступает «личностное знание» (М. Полани) — умение или дар задавать вопросы. Это и есть то, что посредством отнесения некоторых черт социального мира к ценности превращает социологию в гуманитарную, индивидуализирующую науку, не избавляя ее от необходимости генерализаций. Задаванию вопросов научить нельзя, и, как ни крути, пророчество ждет у порога научной процедуры, когда та истощится и востребует в себя новую волю.

Ремесло Лазарсфельда называют «систематическим эмпиризмом» [7] или просто и пренебрежительно — «эмпирикой». Как бы то ни было, главное ее отличие от «теоретической» социологии в том, что последняя не нуждается в проверке истинности или ложности своих гипотез, и вообще она гипотез не измышляет. Важнейший теоретический вывод о сближении и расцвете всех советских людей нелегко проверить, но «теория» и не страдает от этого.

Давно прогорел журнал «Нэшнл маркетинг ревю», в котором опубликована статья раннего, еще венского Лазарсфельда «Искусство опрашивать почему» [8], но именно эта статья прояснила стиль научного социологизирования и ремесло ее автора — задавать социальной реальности такие вопросы, которые ей самой интересны, и она — живая! — откликается на них живейшим участием, обнаруживая в статистических распределениях чудесные зависимости. Опять процитируем лекцию Вебера. Заканчивается она следующими словами: «Нужно об-

ратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» — как человечески, так и профессионально. А требование это будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни» [6, с. 269]. Думаю, это и есть главный «вклад» Лазарсфельда, который не обозначен педантичным Коулменом. Речь идет об умении удивляться происходящему в мире и правильно, процессуально корректно задавать вопросы.

«Эмпирическую» социологию постоянно упрекают в тривиальности. Д. и Дж. Уиллеры в своей разоблачающей псевдонауку книге повторяют это в среднем один раз на семь страниц текста [7], «критическая социология» строит свои постулаты исключительно на опровержении «эмпиризма» и «функционализма», неомарксисты усматривают в ней фетишизм и реификацию, и очень авторитетный сегодня теоретик социологии Энтони Гидденс начал лекцию 29 января 1986 г. в Кембриджском университете со слов: «Социолог, можно сказать, тот, кто утверждает очевидное, но изображает при этом открытие» [9, р. 2].

Упрек в тривиальности, конечно, парализует. Социолог изучает мир, который в общем-то неплохо знает не только он сам, но и всякий, кто может ознакомиться с научным отчетом. Но если люди оценивают выводы как всем известные и банальные, после чего волевым образом возникает мысль, что социологи — бездельники и прожирают народные деньги, то уже само это обстоятельство является довольно весомое свидетельство в пользу достоверности обнаруженных зависимостей. Если бы элементарная частица была живой и могла прямо сказать, что она думает об открытиях физика! Хорошо, что физик не элементарная частица.

ПФЛ просто не понимал, как можно упрекать социологию в тривиальности. В мире же нет ничего доказанного, и надо только суметь увидеть их — эти чудесные зависимости. Разумеется, они всегда новы для изумленного рассудка. Он возражал оппонентам, не указывая на необходимость усвоить некоторые школьные сведения из области математической статистики, а терпеливо приводя примеры. То, что пролетарии, в отличие от буржуазии, любят сладкое — вывод далеко не тривиальный и вызывает далеко идущие размышления. Установка радиоприемников в такси не влияет на уровень дорожно-транспортных происшествий — бушующей мысли этот результат покажется мелким и недостойным высокой науки, но холодный рассудок муниципального чиновника оценит работу социолога. Задача проще: профессор ниже оценивает степень восприимчивости своего статуса сообществом, чем младший научный сотрудник.

В 1967 г. на ежегодном собрании Американской социологической ассоциации Лазарсфельд делал доклад по методам измерения, и опять возник вопрос о «тривиальных» и «очевидных» социологических выводах [10, р. 104]. Здесь он стал танцевать от противного — в

буквальном смысле. Всем известно, что в армии рядовые белые чаще стремятся стать унтерами, чем негры, — каждый знает, что у негров отсутствует честолюбие. Психоневротические симптомы чаще обнаруживаются у солдат с более высоким уровнем образования — общеизвестно, что интеллектуалы психически нестабильны по сравнению с инертной психологией «человека с улицы», и т. д. Обнаруживается, что на самом деле все обстоит с точностью «до наоборот», никакой «очевидности» нет, и люди — элементарные частицы в камере здравого смысла — вовсе не знают, что происходит в их же большом мире. Только не требуйте от социологической таблицы отображения всей сложности человеческой жизни, говорит Лазарсфельд, ведь даже лучший учебник по электричеству не в состоянии отобразить все величие грозы [10, p. 103].

Никакая наука не может быть сведена к аналитическому аппарату, исчислениям и дискурсиям. Техника научного вывода внешне предстает как интеллектуальная технология, но суть дела раскрывается в том, что *τέχνη* — это искусство и умение творить с хитростью и замышлением. Владение техникой составляет критерий профессиональной научной работы; профессия же эквивалентна осознанию своих религиозных убеждений при вступлении в орден, принятию на себя ритуально-технических обязательств — научной аскезы. Вне сомнения, ПФЛ был прежде всего техник, *τέχνικ-ός* — то, что лучше всего выражено в русском слове «умелец». Он был раб своего «кувшина», делавшего его искусным, и, разумеется, не мог даже помыслить, что социологическая техника ограничивает научную идею. Ни в одной из его работ мы не найдем рассуждений о первых или последних причинах бытия, о «проклятых вопросах», но Лазарсфельд достиг высшего — изумления перед прафеноменом. Несомненно, он знал знаменитый фрагмент из «Разговоров с Гёте» Иоганна Эккермана. Фрагмент стоит того, чтобы привести его целиком: «Разговор коснулся учения о цвете и, между прочим, бокалов, мутный рисунок которых на свету кажется желтым, а на темном фоне синим; иными словами — здесь мы видим перед собой прафеномен.

Высшее, чего может достигнуть человек, — заметил Гёте по этому поводу, — изумление. Ежели прафеномен повергнул его в изумление, он должен быть доволен, ничего более высокого увидеть ему не дано, а искать дальнейшего не имеет смысла — это граница. Но люди обычно не удовлетворяются содержанием прафеномена, им подавай то, что кроется за ним, и в этом они похожи на детей, что, глянув в зеркало, тотчас же переворачивают его — посмотреть, что там с другой стороны» [11, с. 290].

В историко-социологической литературе принято идентифицировать имя Лазарсфельда с интеллектуальной миграцией европейского

рефлексивного стиля на американский континент: «Венско-Колумбийская традиция» — результат «трансатлантического перехода» ПФЛ, привнесшего в деловую науку Соединенных Штатов спекулятивный немецкий дух. Скорей всего, это так, хотя и не просто так. Эталон немецкой учености обозначен именами не только Канта и Ницше, подошедших, казалось бы, к последней черте познания, но и великих «сциентистов»: в средней полосе России Базаров резал лягушек и считал высшим авторитетом Юстуса Либиха; юный Лазарсфельд зачитывался трудами Эрнста Маха. И если уж нужно выбрать одно имя, выражающее акме европейской учености, то, сомнений быть не может, — это Гёте, чей спекулятивный разум мог видеть правоту вещей. Так что вопрос о симбиозе европейской «умности» и американской «деловитости» усложняется. Пока ясна одна закономерность: зерно, пересаженное судьбою на жесткую, неприветливую почву, не только выжило, но и обнаружило в себе мощную волю к самовоспроизведению: Лазарсфельду не было нужды присоединять свой спекулятивный германский дух к экспериментальному методу, столь понятному прагматичной Америке, — все свое он принес с собой.

Нельзя не упомянуть об укороенном в «Американской Мечте» некоем виде встречного духовного движения — вспыхивающем и затухающем воспоминании о призыве Ральфа Уолдо Эмерсона к американским ученым быть свободными и храбрыми. Было это за сто лет до приезда Лазарсфельда в Америку. Знаменитая речь Эмерсона на заседании общества «Фи-Бета-Каппа» в Кембридже 31 августа 1837 г. называлась «The American Scholar» — не «scientist», а именно «scholar» — взгляд, обращенный к тысячелетней школьной учености. «Дух американского свободного человека подозревают в робости, подражательстве, покорности, — сказал тогда Эмерсон. — Общественное и частное скупердяйство делает воздух, которым мы дышим, густым и сальным. Ученый добропорядочен, вял и услужлив. Уже видны трагические последствия. Сознание этой страны, направленное на низкое, уничтожает самое себя. Уже нет работы для того, кто не занимается украшательством и не услужлив ... Тысячи молодых людей ... сгрудились у перегородки, открывающей путь к карьере ... Мы пойдем на собственных ногах; мы будем работать собственными руками; мы будем высказывать собственные мысли ... Нация людей впервые будет существовать, потому что каждый верует себе ...» [12, р. 390-391]. Не зря имя Эмерсона носит главная аудитория Гарварда. Его призыв быть храбрым направлен на восстановление распавшегося единства учености и науки: «Ученый с первых лет жизни воспринимает в себя окружающий мир; вынашивает его; дает ему новый строй своего собственного сознания и раскрывает его вновь. Она входит в него — жизнь; она исходит из него — истина. Они приходят к нему — кратковременные деяния; они исходят из него — бессмерт-

ные мысли. Оно приходит к нему — дело; она исходит из него — поэзия. Это был мертвый факт; сейчас это быстрая мысль. Она может замереть, и она может пойти. Сейчас она течет, сейчас она летит, сейчас она вдохновляет. Точно соотносясь с глубиной мышления, из которой она появилась, так же долго она парит, так же долго звучит ее песня» [12, р. 375].

Соответствовал ли Лазарсфельд идеалу американского ученого? Ясно одно: ремесло Лазарсфельда разрушает в пыль «очевидное» противостояние гуманитарного и технического знания. Решение проблемы по-эммерсоновски гениально: идите на собственных ногах, работайте собственными руками, высказывайте собственные мысли ... и техника перестанет казаться чужой. Психолог, социолог, математик, экономист, ПФЛ мало задумывался над своей принадлежностью к гуманитарным или негуманитарным дисциплинам, но зато так владел искусством анализа данных, что процедурные вопросы растворялись в процессе своего исполнения и как бы переставали существовать для мастера — оставалось развертывание мысли и рождение гипотез. Когда маэстро садится за инструмент, он не думает об аппликатуре. Кто посмеет сказать, что Моцарт отличался потрясающим умением нажимать на клавиши? Социология — иное дело. Для того чтобы быть сегодня социологом, достаточно быстро-быстро «проводить анкету» и подсчитывать проценты, как выразился Лазарсфельд, «по носам». Что поделаешь, но и обезьяна, сядя за инструмент, становится — *в какой-то мере* — пианистом. И если уж продолжить найденную аналогию, можно сказать, что «вклад» Лазарсфельда в многострадальную социологическую науку — создание для нее «хорошо темперированного клавира». Проста ли задача? Лазарсфельд умел наблюдать и возвысил наблюдение до строгого и чистого знания. Но ведь и сама *θεωρία* в своих истоках есть не что иное, как просветленное наблюдение, смотрение, умное видение. И если уйти еще дальше в историю, у Екклезиаста можно прочесть удивительно простые слова: «У умного глаза его в голове его, а глупый ходит во тьме» (Еккл. 2: 14).

Беда в том, что искусство задавать вопросы не производит оригинального — научного! — впечатления. Это вопросы повседневности, как бы выдернутые из нее и застывшие на поверхности жизни. Данные говорят обычным человеческим языком, и их доказательность, в отличие от квазинаучной глоссолатии, эквивалентна — поверхностной! — простоте. Речь идет, конечно, не о такой простоте, которую иногда требуют от науки «простые» люди, в том числе обремененные академическими званиями. Скорее, здесь имеется в виду своеобразный этос интеллектуала, отвечающий иронией — надежным методом Сократа, знавшего, что истина терпеть не может напыщенной серьезности и создает вокруг себя ограду.

Величественно-казенная атмосфера на факультетах социальных наук, устремленность к фундаментальным принципам исследования поведения, пожалуй, впервые пересеклись с эмпирической мятежной линией в 30-е годы. Эти парни умели обращаться с логарифмической линейкой, что давало им возможность демонстрировать почтительную иронию по отношению к мэтрам. В конце 1936 г. прославленный Гордон Оллпорт пригласил Лазарсфельда выступить на своем семинаре по проблемам мотивации поведения. Обретавшийся в академической сфере на птичьих нравах 35-летний мальчишка начал свое выступление так: «Джентльмены! Позвольте мне рассмотреть первый пример из нашего исследования — как промываются горлышки у пустых бутылок». Такая декларация вызвала взрыв смеха. Но «мятежный эмпирик» не просто оригинальничал, он взял на прицел традиционный для психологического истэблишмента сюжет, связанный с определением порога восприятия. Здесь же присутствовал адресат иронической стрелы, посланной Лазарсфельдом, — Эдвард Боринг. После того как стихло веселье, Лазарсфельд продолжал: «Я не очень понимаю, почему “поднятие гирь” удостоивается большего внимания, чем “промывание горлышек у бутылок”» [1, p. 355].

То, что Лазарсфельд — один из создателей аналитической социологии, — факт. Но повторимся: в отличие от многих и многих социологов, с энтузиазмом проводящих опросы, — тип, видимо, широко распространенный во всем мире, и здесь мы имеем все шансы догнать и перегнать Америку — ПФЛ видел, что «ненаучная» действительность удивительно теоретична и требует для своего завершения слова. Почти случайный пример покажет ремесло Лазарсфельда в деле. Его младший коллега еще по Венскому центру, социолог-математик Ханс Зайзель написал руководство для своих студентов по использованию методов статистического оценивания. При издании книги возникла нелегкая проблема заголовка. Название было подарено автору Лазарсфельдом, который как-то раз обратил внимание на рекламу в цветочном магазине: «Скажите это цветами!» Случай забылся, но осталась, как сказал бы психоаналитик, функциональная эквиваленция. Книга Х. Зайзеля «Скажите это цифрами» с тех пор много раз переиздавалась [13]. Казалось бы, ничего особенного. На самом деле, привычное для социологии XX в. противоположение «понимания» холодной, омертвляющей цифровой генерализации нашло неожиданное маленькое решение: цифры уподобились цветам и захотели вернуть себе отнятое у них бытие.

«Гуманитарная», критически ориентированная социология не любит цифр. Она всегда найдет возможность ткнуть эмпирика носом в артефакты, указать на неприменимость хи-квадрат-критерия к нерандомизированным наблюдениям и завершить критический разнос

лекцией о формировании значений в процессе социального взаимодействия. Столкновение критической и так называемой позитивистской традиций в социологии достаточно отчетливо было представлено в то время «Франкфуртской школой», возглавляемой Максом Хоркхаймером. «Тотальный Разум» и «эмпирическая манипуляция», приписываемые социологическим исследованиям, позволяли квалифицировать их как результат отчуждения человека от социетальных структур-фетишей. В итоге неомарксистской интерпретации социологическая наука превращалась в инструмент духовного порабощения личности. Неомарксизм — не единственная версия критической социологии, но она понадобится нам для рассказа об одном многозначительном эпизоде в отношениях Лазарсфельда с выдающимся социологом и музыковедом Теодором Адорно — эпизоде, иллюстрирующем техническую — а может быть, биологическую? — несовместимость ремесла и пророчества.

Незадолго до войны Лазарсфельд руководил в Принстоне крупным проектом по исследованию радиовещания. Впервые предметом социологического изучения стало восприятие классической и популярной музыки массовой аудиторией. Вопрос действительно тривиальный: почему люди предпочитают различные музыкальные виды и жанры? Но до этого никто не пытался исследовать структуру музыкальных интересов. Правда, руководство радиостанции Нью-Йорк Сити, передававшей классические произведения, хотело знать численность и структуру своей аудитории. Так что спонсор у этой темы был.

Принстонская «команда» вынашивала серьезные планы, и Лазарсфельд, заинтригованный идеей о противоречивой роли музыки в обществе [14], поставил задачу уговорить Адорно воплотить свои теоретические инсайты в эмпирических гипотезах. ПФЛ рассматривал эту задачу как вызов самому себе — еще одна черточка лазарсфельдовского ремесла-призвания: опровержения он ценил больше доказательств и стремился найти путь к взаимопроникновению методологических контрадикций. В свое время хоркхаймеровская группа поддержала проект Лазарсфельда в университете Ньюарка, и он всегда испытывал к ним чувство благодарности. Адорно был приглашен руководителем «музыкальной части» Принстонского исследования радио, и «конвергенция» началась. Чтобы помочь Адорно войти в инструментарий исследования и ознакомить его с имеющейся информацией, в группу был принят бывший выпускник Принстона доктор психологии Герхард Вибе. Казалось бы, дело облегчится тем, что Вибе — прекрасный джазист. События начали развиваться быстрее, чем рассчитывал инициатор методологической конвергенции. От методистов посыпались жалобы на музыковеда-неомарксиста по поводу тенденциозных формулировок вопросов в интервью с радиослушате-

лями и искажения данных. Сотрудничество между Адорно и джазистом почти сразу прервалось. Это легко объяснить, помимо проблемы корректности наблюдений, убеждением Адорно, что джаз выражает интересы буржуазии и оболванивает трудящиеся массы. ПФЛ — хитрый «лис» — начал рассылать членам ученого совета докладные записки с разъяснением яркости и значительности адорновских идей — а что касается корректности вопросника, то это результат недоразумений и трудностей, неизбежных при сближении интеллектуальных традиций. Принстонские профессора Х. Кэнтрил и Ф. Стэнтон (первый выполнял функцию общего надзора, второй выдавал деньги) молча ожидали исхода «конвергенции». Лазарсфельд пошел напрямую — попросил Адорно обобщить революционные идеи в аналитической записке для всех причастных к радиoproекту экспертов, чтобы обеспечить поддержку его работе. В июне 1938 г. был написан 160-страничный текст (через один интервал) под названием «Музыка на радио». Обратимся к мемуарам Лазарсфельда. «Мне кажется, — пишет он, — что распространение этого текста еще более ухудшило ситуацию, поскольку на английском языке его сочинение обладало столь же танталовски мучительной привлекательностью и неуловимостью, как и на немецком» [1, p. 59].

Некоторые выдержки из работы Адорно помогут увидеть, что понимал Лазарсфельд под «мучительной привлекательностью». Музыка для Адорно — фетиш, существующий «везде, где человеческая деятельность или любой результат этой деятельности становятся отчужденными от людей, потому что они более не могут, так сказать, распознать в них себя. Тогда они благоговеют перед ним (фетишем. — Г.Б.) как перед нечто, чья ценность полностью оторвана от человеческой деятельности, которая содержит его в себе, и от функции, которая в действительности являет себя в других видах человеческой деятельности. В любом случае (например, когда звезды становятся фетишами) все это очень приближается к понятию внушения, посредством которого люди что-то обожествляют, не понимая в полной мере, почему они это делают ... Сфера фетишей, таким образом, шире сферы суггестии и пропаганды. В современном обществе люди готовы приписывать влияние товарам, потому что товарная стоимость — это фундаментальная ценность², воспризнанная ими даже в тех случаях, когда эта ценность не воздействует на них посредством какой-либо специальной пропаганды с целью внушения» [цит. по 1, p. 59].

Невозможно усомниться в глубине адорновской теории; в ней, что называется, заложен ответ на все вопросы — люди поклоняются

² Value (англ.) — переводится и как «стоимость», и как «ценность».

фетишам. Но все-таки есть нечто, что мы обязаны узнать из наблюдения за поведением радиослушателей: чем они руководствуются, вращая ручку настройки своих приемников. Шеф проекта шел до конца и буквально вытаскивал из текста все, что могло стать гипотезой: культ знаменитых музыкальных инструментов (например, скрипок Страдивари) существует вне зависимости от того, что средний слушатель не может отличить их звучание от звучания обычной хорошей скрипки. Адорно был вынужден еще раз вернуться к исходной задаче, но неудача становилась очевидной, несмотря на пронзительные медитации в духе «Франкфуртской школы социальных наук»: «Иногда музыка влечет аффект высвобождения скрытых сексуальных желаний. По всей вероятности, это особо относится к женщинам, рассматривающим музыку как нечто вроде образа своего партнера-мужчины, которому они уступают, даже не идентифицируя себя с музыкой. Это такой тип установки, который обнаруживается по плачу. Плач дилланта во время слушания музыки (музыкант практически никогда не заплачет) — одна из первых задач при анализе эмоциональной стороны музыки» [1, р. 60].

Зимой 1938-1939 гг. состоялась еще одна попытка втиснуть «критическую» идею в жесткие рамки социологической процедуры, но при возобновлении Фондом Рокфеллера гранта на радиопроjekt в конце 1939 г. возможностей для разработки «музыкальной части» уже не представилось.

Лазарсфельд пишет, что крушение этой надежды оставило в его душе мучительные вопросы [1, р. 61]. Он и через 30 лет продолжал считать, что не сумел добиться необходимого воссоединения идеи Адорно с искусством задавать вопросы, тем более что после войны, когда команда исследователей из университета Беркли (Калифорния) выполнила знаменитый проект «Авторитарная личность» (ключевую роль в нем играло разработанное Адорно понятие «фашистский характер»), его коллеги Э. Френкель-Брюнsvик, Д. Левинсон, Н. Сенфорд реализовали теоретическую концепцию в «шкале фашизма» [15]. Впрочем, сотрудничество Адорно с Лазарсфельдом нельзя считать неудачей Адорно, потому что статья о фетишизме популярной музыки была вскоре опубликована в специальном выпуске хоркхаймеровского журнала по проблемам массовой коммуникации [16].

В своих мемуарах Лазарсфельд отводит этому событию слишком большое место, чтобы расценить его как несущественное. Интеллектуальная миграция из Европы в Америку была поистине драматичной, и речь шла не просто о перемене места работы, но о перестройке сознания — своеобразной «метанойе»: когда нужно самого себя поднять за волосы. Неужели немец не способен стать настоящим экспериментатором? Лазарсфельд находит примеры, когда «спекулятивный» немецкий «дух» в лице Рудольфа Арнхайма сделал филигранный анализ 50-ти бесконечных дневных радиосериалов, где семьи

постоянно попадают в неприятности и преодолевают их только затем, чтобы влипнуть в новые. Слушают сериалы в основном домохозяйки. Арнхайм блестяще объяснил тот факт, что в сериалах, как правило, неприятности возникают по вине мужчин, а решения ищутся женщинами [17]. Лазарсфельд вспоминает сотрудничество с ним как нечто светлое [1, р. 61].

Вряд ли возможно до конца разобраться в том, чем аналитическая социология, ориентированная на выдвижение и опровержение гипотез, отличается от социологии «глубоко-мысленной», порождающей ответы без всяких вопросов. Это так же трудно, как заметить в каше гайку, — разумеется, глядя на кашу извне. Тем не менее проблема худо-бедно решается *in processu*. В 1964 г. Б. Берельсон и Г. Штайнер выпустили рискованную инвентаризацию результатов исследований в поведенческих науках [18]. Они просто перечислили главные открытия по основным разделам социологии и социальной психологии. Понятно, что для «фетишизма» и аналогичных сюжетов там места не нашлось.

Самое точное и правдоподобное из всех имеющихся определений социологии: социология — это то, чем занимаются социологи, — в свете изложенной контрверзы становится весьма и весьма сомнительным. Оказывается, социологи занимаются не только совершенно разными предметами, но и не имеют общего языка — как раз того, что делает научную дисциплину научной дисциплиной. Благодаря почти общепризнанной сегодня куновской интерпретации научных революций состояние социологии XX в. обозначается как «допарадигмальное», «хаотическое», «кризисное». Разумеется, никакого кризиса в социологии быть не может, поскольку для этого требуется по меньшей мере обнаружение зависимостей, не объясняемых системой теоретических постулатов науки. «Теоретическое» же измерение социологии не пересекается с фактуальным, и если когда-нибудь отвергается, то происходит это вследствие перемены вненаучных, в том числе политических, интересов. Так, одна социологическая доктрина сменяется другой не потому, что теория перестала быть истинной, а потому, что перестала быть *нужной*. Этим доктрина и отличается от теории, в общем-то безразличной к вненаучным событиям. Лазарсфельд не создал социологической теории, объясняющей бытие человека в мире (сделать это никому не дано), но неоценимый результат его ремесла в том, что уже после войны появилась возможность отчетливо различать общественно-политические доктрины (каждая из которых в своем роде гениальна) и методологию объяснения некоторых устойчивых зависимостей в поведении людей. Разумеется, результаты такой социологии не имеют никакого отношения к достижению светлых идеалов — этим она обрела достоинство самодостаточности. Аналитическая социология нашла свою «вселенную» —

понятие «универсума признаков», разработанное Луи Гуттманом и Лазарсфельдом в качестве идеи-схемы социологической методологии. Ее, видимо, не напрасно упрекают в консервативности, ориентированности на стабильное состояние общественной системы; осторожничество и боязнь навредить пронизывают всю книгу о практике использования социологии в регулировании социальных процессов, составленную Лазарсфельдом вместе с Уильямом Сьюзлом и Харольдом Виленским [19].

Миссия Лазарсфельда в чем-то созвучна древнему талмудическому принципу: «Там, где начинается действие, кончается мысль». Он был убежден в необходимости обеспечить независимость интеллектуальной работы от вмешательства извне и в своем президентском послании Американской социологической ассоциации с тревогой говорил о формировании административного истеблишмента в науке, который в глазах профессионалов не заслуживает даже презрения, но тем не менее держит в своих руках организационные структуры [20]. В этом отношении миссия его тоже уникальна. Он считал, что можно соединить административные и интеллектуальные функции, и лично сделал это, пополнив ряд примеров, настолько малочисленных, что подсчитать их не составляет труда. И если уж попытаться сказать о ремесле Лазарсфельда самое главное, то он был добросовестный работник, и благодаря именно доброй совести и честному служению поверхности («Но давайте минуту подумаем: не поверхность ли все то, что перед нами, все, что мы воспринимаем, объясняем, истолковываем?» — написал Р.-М. Рильке [21]) истина озарила его своим мягким светом. Он был добр, и ему даны были и мудрость, и знание, и радость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lazarsfeld P.* The varied sociology of Paul F. Lazarsfeld / Writings collected and edited by P. Kendall. New York: Columbia University Press, 1982.
2. *Converse J.* Survey research in the United States. Roots and emergence 1890–1960. Berkley: University of California Press, 1987.
3. *Bain R.* The most important sociologist // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. P. 746-748.
4. *Qualitative and quantitative social research: Papers in honor of Paul F. Lazarsfeld* / Ed. by R. Merton, J. Coleman, P. Rossi. New York: The Free Press, 1979.
5. *Berlin I.* The hedgehog and the fox: An essay on Tolstoy's view of history. New York: Simon and Schuster Inc., 1953.
6. *Weber M.* Wissenschaft als Beruf // *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1952. [Русский перевод: Вебер М. Наука как призвание и профессия / Пер. с нем. П.П. Гайденко // Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX века: Сборник переводов. М.: ИНИОН АН СССР, 1979.]

7. *Willer D., Willer J.* Systematic empiricism: Critique of pseudoscience. Englewood Cliff, N.J.: Prentice-Hall, 1973.
8. *Lazarsfeld P.* The art of asking why // *National Marketing Review*. 1935. Vol. 1. P. 32-43. [Reprinted: *Lazarsfeld P.* Qualitative analysis. Historical and critical essays. Boston: Allyn and Bacon, Inc., 1972].
9. *Giddens A.* Social theory and modern sociology. Stanford: Stanford University Press, 1987.
10. *Lazarsfeld P.* Measurement // *American sociology: Perspectives, problems, methods* / Ed. by T. Parsons. New York: Basic Books, 1968. [Русский перевод, выполненный В.В. Ворониным и Е.В. Зеньковским, см.: *Американская социология: перспективы, проблемы, методы*. М.: Прогресс, 1972.]
11. *Echermann J.P.* Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Weimar, 1835. [Русский перевод: Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Пер. с нем. И. Ман. М.: Художественная литература, 1981.]
12. *Emerson R.W.* The American scholar // *The works of Ralf Waldo Emerson*. Vol. 3. London: G. Bell and Sons, Ltd., 1913.
13. *Zeisel H.* Say it with figures. New York: Harper's, 1947.
14. *Adorno T.W.* Zur gesellschaftlichen Lage der Musik // *Zeitschrift für Socialforschung*. 1932. Bd. 1. S. 103.
15. *Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Senford H.* The authoritarian personality. New York: Harper, 1950.
16. *Adorno T.W.* On popular music // *Studies in Philosophy and Social Science*. 1941. Vol. 9. P. 17 ff.
17. *Arnheim R.* The world of daytime serial // *Radio research, 1942-1943* / Ed. by P. Lazarsfeld, F. Stanton. New York: Duel, Sloan and Pearce, 1944.
18. *Berelson B., Steiner G.* Human behavior: An inventory of scientific findings. New York: Harcourt, Brace & World, 1964.
19. *The uses of sociology* / Ed. by P. Lazarsfeld, W. Sewell, H. Wilensky. New York: Basic Books, 1967.
20. *Lazarsfeld P.* The sociology of empirical social research // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. P. 757-767.
21. *Rilke R.-M.* Auguste Rodin // *Rilke R.-M. Gesammelte Werke*. Bd. 4. Leipzig: Insel-Verlag, 1930. [В статье использован русский перевод Рильке, выполненный В.Б. Микушевичем, см.: *Рильке Р.-М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи*. М.: Искусство, 1971.]